

МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 159.9.019+167

Чурюмов С. И.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ МЕТОДОЛОГИИ

В контексте методологии соционического знания рассмотрены и описаны методологические установки ряда специалистов по соционике.

Ключевые слова: соционика, методология, соционический тип, тип информационного метаболизма, установка.

Прошло уже несколько лет после завершения эксперимента, организованного дне-пропетровскими энтузиастами от соционики, но его результаты до сих пор нуждаются в осмыслении.

Этот эксперимент, несмотря на отдельные недостатки, впрочем, вполне естественные, когда-нибудь войдет в хрестоматии по истории и теории науки, поскольку не имеет прецедента — еще не было случая, когда какая-нибудь молодая наука на одном из начальных этапов своего развития в лице своих представителей предприняла бы аналогичные усилия, чтобы отрефлексировать свои основания.

Далеко не все соционики приняли участие в эксперименте (да это, наверное, было бы и невозможно) и далеко не все, принявшие в нем участие, были согласны между собой не только по методике самого эксперимента, но и по многим теоретическим вопросам соционики. Но и, конечно, особую проблему представляет достаточно большое различие в результатах тестирования одних и тех же людей представителями различных соционических групп.

Казалось бы, именно соционики могли бы договориться между собой быстрее представителей других наук — ведь, по определению, они владеют пониманием глубинных различий между людьми, принимают в качестве исходной посылки постулат о том, что люди разные и что поэтому нельзя ко всем подходить с одной меркой, и все же ... многие соционики, подобно сапожнику из поговорки, ходят и продолжают ходить без «соционических сапог».

То, что представители других научных направлений нередко не могут прийти к единой точке зрения, — это, в общем-то, понятно: ведь они не обязательно являются профессионалами в сфере общения, и от них не обязательно ожидать коммуникативной саморефлексии. Но почему же ученые-соционики не могут прийти к консенсусу? Поражает именно то, что умные, а нередко очень умные люди не просто не слышат и не понимают друг друга, но демонстрируют полное отсутствие профессиональных технических навыков, которые позволили бы им добиться хотя бы предварительного сближения позиций.

Я много лет принимаю участие в соционических (и не только соционических) конференциях и, кроме собственно предметной информации, внимательно отслеживаю методологические аспекты исследований в любых науках и в соционике, в частности. Особый интерес для меня представляют методологические позиции участников соционического движения.

Итак, некоторая часть социоников не понимает, не воспринимает и не может договориться друг с другом.

В качестве первого приближения к описанию этой проблемы я бы предложил следующую символическую формулу:

$$D = \Delta [A, C, M, O],$$

где **D** — коммуникативная и познавательная дистанция между позициями партнеров, **Δ** — функциональная зависимость, **A** — амбиции, **C** — соционический уровень, **M** — различия в

методологических установках, **О** — отсутствие профессиональных навыков согласования научных позиций.

Амбиции

С амбициями все более или менее ясно — это обычное и широко распространенное препятствие в согласовании позиций. И поскольку, по определению, должно существовать шестнадцать типов амбиций, то к консенсусу должны бы прийти только представители одной квадры, а с другими квадрами договориться никто не сможет, если не будет использована специальная техника выхода из конфликтных ситуаций.

Соционический уровень

Что касается «соционического уровня», то есть глубины и широты соционических познаний, то, поскольку соционика еще не стала официальной наукой, официально выдавать справки о том, кто в соционике умнее, а кто глупее, пока что некому, и уровень определяется амбициями. Конечно, было бы вполне удобно оценивать соционический уровень по способности диагностировать ТИМы, но как раз днепропетровский эксперимент и показал, что все участники считают себя в этом отношении на уровне (см. Амбиции), а результат эксперимента показывает, что с этим дело обстоит неважно. Конечно, не исключено, что среди участников эксперимента был, например, кто-то один (допустим, это был В. Д. Ермак), кто абсолютно верно определил все ТИМы. Но как он мог бы доказать это всем остальным, ведь каждый считает, что именно он или его группа абсолютно точно проделали эту работу (см. Амбиции). А пока что общий уровень соционического знания определяется степенью согласованности результатов, полученных после проведения эксперимента.

Существует и другая возможность — это непримиримая борьба различных школ, когда каждый будет доказывать, что он лучше других (см. Амбиции).

Методологический эффект

Под методологическим эффектом я понимаю проявление той разницы в методологическом инструментарии и его использовании, которая, безусловно, существует между социониками вообще и между участниками эксперимента, в частности. Конечно, с абстрактно-логической точки зрения можно представить, что все участники конференции стоят на одних и тех же методологических позициях, однако даже поверхностное наблюдение за поведением социоников во время обсуждений результатов тестирования показывает, что это не так. Даже такие, условно говоря, общепринятые методологические инструменты, как анализ, синтез, дедукция, индукция, использование формальной логики, оперирование классификационными и дефиниционными процедурами, владение математическим аппаратом и т. п., вряд ли могут быть на одном уровне в случайно образовавшейся группе социоников.

Методология, которая лежит в основе научной работы любого ученого, состоит не только из одних логических средств, но, как это было показано в [11], в нее входят сенсорная, этическая и интуитивная компоненты. А уж эти компоненты не были, да и не могут быть нормированы в той степени, в какой этому подвержены логические средства. Кроме того, надо учитывать, что методология в качестве учебной дисциплины вообще не преподается, а предполагается, что человек, становясь ученым, овладевает ею, изучая другие учебные предметы, а также в процессе общения с другими учеными и, прежде всего, с представителями той научной школы, к которой он принадлежит. А так как научные школы становятся разными, потому что придерживаются разных методологических принципов, то понятно, что добиться согласования методологий практически невозможно. В условно полном объеме методология разрабатывается и изучается философами, и легко понять, что, поскольку они «все еще» (вот уже две с половиной тысячи лет) не могут прийти к единому мнению, то что уж говорить о нефилософах. — им это сделать еще труднее.

Очень важным моментом в формировании методологической установки ученого является также то, что многие его компоненты усваиваются неосознанно и входят в ценност-

ное ядро личности, то есть то, что конкретным человеком оценивается как безусловная истина. Поэтому, когда обсуждение проблемы затрагивает не критически усвоенные части методологических установок, то, не используя специальных коммуникативных процедур, договориться просто нельзя.

Рассмотрим фрагменты методологических установок некоторых социоников и попробуем оценить шансы того, что кто-то из них сумеет договориться с другими.

Начнем с Аушры Аугустинавичюте как основоположника соционики. Это гениальная женщина-ученый. Можно лишь догадываться о том, как у нее в результате озарения под влиянием изучения работ К. Г. Юнга, К. Леонгарда, А. Кемпинского и многих других возникла идея модели психики. Впрочем, многое можно понять, читая ее работу [1]. Там она, например, пишет: «И многое приходится открывать заново, чтобы убедиться, что у Юнга это «уже было», только — не вполне развернуто, нечетко сформулировано». Это очень тонкое замечание, которое можно понять так, что Аушра Аугустинавичюте, читая Юнга, приходит к собственным выводам (как это обычно бывает с учеными при чтении первоисточников), затем развивает эти идеи, доводит их до концептуального уровня, а затем в других книгах Юнга обнаруживает места, которые более или менее соответствуют тому, что сделала она. Но остается очень большим вопросом, дошел бы до этих конструктов сам Юнг, если бы продолжил работу в этом направлении. То, что сделала Аушра Аугустинавичюте, не является механическим продолжением работы К. Г. Юнга — это синтез идей многих ученых. Например, у Юнга не было идеи информационного метаболизма — она пришла к Аушре от А. Кемпинского, который вовсе не был единомышленником К. Г. Юнга. Мысль Аушры работает четко (с точки зрения интуитивного логика) и напрасно В. Д. Ермак упрекает ее в неряшливости (это его буквальные слова, сказанные им 22 мая 2000 на соционическом семинаре в Киевском Доме Учителя). Вот что она говорит о терминологии Юнга: «Нередко Юнгу инкриминируется ненаучность, неясность и непонятность используемой терминологии. Но ведь он, работая в первой половине XX века (1875-1961), попал в сферу неопознанных объектов. Большинство используемых Юнгом терминов **играют роль как бы первоначальных, условных «кличек», нужных для того, чтобы одну часть не до конца понятия отличить от другой** (выделено мной — С. Ч.). Без этого невозможно дальнейшее осмысление изучаемого объекта. Ученый, старающийся разгадать загадку человеческой психики, находится в положении, допустим, физика, изучающего глубинные процессы, которые нельзя увидеть собственными глазами и информация о которых собирается только на основе наблюдения внешнего взаимодействия объектов». Аналогичную оценку терминологии, введенной Аушрой в соционике, можно встретить и сейчас. Да, может быть, ее терминология недостаточно совершенна, но не следует забывать, что она ввела замечательную соционическую символику, которую как раз и следует рассматривать как обозначение трудно или вообще неопределимого, на которое термины указывают лишь косвенно. А работу с терминологией нужно продолжать. Ядро методологической установки Аушры Аугустинавичюте можно обозначить как уровень гениальной догадки и способность к интуитивному конструированию.

Другой выдающийся соционик Г. Р. Рейнин одним из первых воспринял идеи Аушры и начал активно их развивать. Будучи профессиональным математиком, он использовал математический аппарат в качестве основного методологического инструмента. Этот инструмент настолько эффективен и убедителен, что спорить и противопоставлять тут нечего. Если 16-компонентное множество можно разделить на антисимметричные октавы только пятнадцатью способами, то тут ничего не поделаешь. И эти пятнадцать противопоставлений как раз и стало возможным принять в качестве дифференцирующих признаков, которые Аушра подробно исследовала в работе «Признаки Рейнина», что, кстати, дает основания называть эти признаки признаками Рейнина-Аугустинавичюте. Однако, как это ни странно, математика на этот раз дала сбой — признаков все-таки не пятнадцать, а, как это показали О. Карпенко и С. Чурюмов, шестнадцать. Просто шестнадцатый признак ничего ничему не противопоставляет или вернее, «нуль-противопоставляет», являясь вырожденной формой

противопоставления. Но проблема заключается в том, удастся ли договориться об этом с авторами признаков. В качестве ядра методологической установки Г. Р. Рейнина прежде можно принять интуитивное понимание аппарата математической комбинаторики и логическую четкость определений, что также прекрасно было продемонстрировано в работе [7]. Кроме того, не следует забывать, что это ученый, сформировавшийся в Санкт-Петербурге, городе с давними научными традициями и просто высокой интеллектуальной культурой. Так что здесь договориться настоящим ученым есть шанс — лишь бы аргументы носили научный характер.

Не могу обойти молчанием **замечательного соционика из Вильнюса Е. Шепетько**. Это исключительно тонкий аналитик, я бы даже сказал, спектральный аналитик, — он блестяще разработал спектр понятий соционических отношений [12]. Ему же (вместе с соавторами) принадлежит разработка семантического поля информационных аспектов в соционике [8].

Совершенно замечательный киевский соционик А. В. Букалов, один из основателей киевской школы соционики, методологический базис которого можно обозначить как интуитивный фундаментализм. Когда я впервые еще в 1987 году начал обсуждать с ним соционические проблемы, меня прежде всего поразило предельное совпадение многих элементов нашего мышления. Когда он заговорил о квантовании, полях, пространственных размерностях и т. п. применительно к психике — это были именно те термины, которые я использовал в неотосланной в «Знание — Сила» статье. У меня не возникало никаких затруднений в понимании того, что он говорил, как, впрочем, не возникает и сейчас. Не раз мне приходилось с удивлением обнаруживать, что он ссылается и цитирует книги и статьи из редких журналов, которые, как я думал, кроме меня в соционической тусовке никто не читал. Для А. В. Букалова характерна опора на физические и физикалистские представления вообще и на квантово-механические представления, в частности. Собственно, в этом нет ничего удивительного — все, кто пришел в соционику из других сфер науки, принесли с собой методологические установки, воспринятые ими там. Может показаться удивительным, что квантово-механические понятия оказались адекватными применительно к соционике. Однако, если принять гипотезу о полевом характере психических явлений, все становится на свои места. Мне известно, что далеко не все соционики принимают идеи А. В. Букалова, особенно те, которые касаются обобщенных социальных представлений, например, закон сменяемости квадр или интегральные описания этносов, но это как раз именно тот случай, когда у людей не стыкуются методологические установки. Одним из его замечательных достижений является комплексная модель социума, построенная на основании модели «А» [2]. Эта модель дает возможность инструментально описывать структуру социума, его состояние, отношения между его структурными элементами и многое другое.

Другой Букалов, но уже Григорий Константинович, принес в соционику свой опыт инженера-конструктора с тонким пониманием «души» технического объекта, благодаря чему он естественно и независимо от моих идей относительно универсальности ТИМа развил идею ТИМа технического объекта, однако позже, под влиянием В. Д. Ермака, начал ограничивать понятие ТИМа только системами «человек-машина», что, на мой взгляд, действительно является ограничением, поскольку мировой разум присутствует во всех вещах и явлениях, и именно этим, по моему мнению, определяется информационный, или, в более общем смысле, материально-энерго-информационный метаболизм в нашем мире. Работы Г. К. Букалова хорошо известны среди социоников.

Еще один замечательный киевский соционик В. В. Гуленко обладает совершенно другой методологической установкой, по-видимому, приобретенной им в основном в лингвистической сфере — он много лет преподавал немецкий язык и был переводчиком — отсюда богатая языковая комбинаторика, так хорошо зарекомендовавшая себя в его работах по соционическим группам. Возможно также, что такой элемент его методологической установки, как конструктивно-этический релятивизм, — подчеркивание равноценности различных каналов реальности, акцент на плюралистичности — имеет глубокие основания в его

языковой практике. Тем не менее, здесь же мы обнаруживаем и определенные просчеты терминологического характера. Так, например, используемые В. В. Гуленко термины «социотип» и «социоанализ», в соответствии с языковой практикой, естественно соотносятся с социологией, а не с соционикой, и даже если эти термины специально оговорить, они производят прямое физиологическое разрушение психических структур — таковы законы НЛП. Более тонкое, но тоже отрицательное воздействие на психику и интеллект производят чисто соционические новообразования вроде «этики эмоций» и «этики отношений», почти правильные, с точки зрения литературной нормы. Особенно последнее. Это сочетание общеупотребительных слов звучит вполне правдоподобно, да только речь-то идет не об общеупотребительных словах, а о соционических терминах, и поэтому здесь вовсе не уточняется, о каких отношениях идет речь (то есть этических) — это соционический жаргон, надстроенный над введенной Аушрой Аугустиновичюте терминологией, возможно, не очень удачной, но специально оговоренной, а самое главное, подкрепленной специальными символами, обладающими собственными эвристическими значениями. В произвольно же порождаемом жаргоне сочетание «этика отношений», конечно же, не обозначает понятие «правил поведения», а соответствует «белой» или «интровертной» (или, согласно Аушре Аугустиновичюте, «интротимной») этике, а по К. Г. Юнгу, «интровертированному чувствованию», что воспринимается даже лучше, но все равно не решает терминологических проблем. Сочетание «этика эмоций» вполне откровенно вводит неискушенного читателя в заблуждение, создавая иллюзию того, что речь идет о правилах пристойного эмоционального поведения.

В связи с понятием методологической установки интересно проанализировать ситуацию со знаками функций, которые в свое время ввел именно В. В. Гуленко, но хотя он потом отказался от них (по крайней мере, частично), часть социоников, в том числе В. Д. Ермак, считают их неотъемлемой частью модели «А». То, что одинаковые функции у разных типов, безусловно, чем-то все же отличаются, это понятно всем, кто достаточное время занимался соционической диагностикой, — например, ▲(ИЛЭ) и ▲(ИЭЭ), но следует ли это различие отождествлять со знаками плюс и минус? Те аргументы, которые В. В. Гуленко предложил (кстати, очень остроумно и изобретательно) в защиту введения знаков функций, очень напоминают объяснение движения планет Птоломеем в его геоцентрической астрономии — рассчитывать положение планет можно, но реальность искажается. Гуленко сопоставил знакам четыре свойства, которые они выражают в функциях, — это плюс-минус качество, масштаб, указывающий на глобальность или локальность, дистанция, которая может быть короткой и дальней, и направление вовнутрь или наружу. Уже по этому перечню (который, кстати, можно увеличить) видно, что простая математическая семантика знаков плюс и минус значительно усложнена, а самое главное, — изменена качественно: единый критерий противоположной направленности в математике заменен не просто множественным критерием, что само по себе могло бы быть естественным обобщением, но все эти критерии не выражают зеркальной симметрии, которая была у математических знаков. Даже в случае понятия качества речь идет не о зеркальной симметрии, а об антисимметрии — «хороший» в зеркале не превращается в «плохой», «абстрактный» не превращается в «конкретный», а «любовь» не превращается в «ненависть». Но если в случае качества введение знаков можно оправдать как описание позитивного и негативного, то в случае других критериев этого уже сделать нельзя. Так, внутри глобального могут быть свои внутренние противопоставления, свои позитивные и негативные проявления. И то же самое можно сказать про локальное. Аналогично дело обстоит и с дистанцией. Когда люди общаются на короткой дистанции, в их отношениях могут появляться и отрицательные, и положительные моменты, и такие же моменты могут появляться и при общении на далекой дистанции. Что же касается направленности, если это не подменяет *экстраверсию* и *интroversию*, то просто непонятно, о чем идет речь. В. Д. Ермак пояснил эту ситуацию таким образом, что «плюс» — это когда информация работает только в позитивной области, а «минус» дает возможность работать и в позитивной и в негативной области. Наверное, это очень этическое описание, но какое отношение это имеет к логике и математике? Все же отметим, что конвенциональное введение знаков для функций может оказаться удобным, чтобы хоть как-то проти-

вопоставить одинаковые функции у разных типов, но именно здесь и становится оправданным сравнение с Птоломеем.

Я считаю, что первые функции $\blacktriangle\square$ (ИЛЭ) и $\blacktriangle\sqsupset$ (ИЭЭ) отличаются не знаком, а сопряженностью со второй функцией, и именно она придает соответствующую «окраску» первой. Таким образом, «знаком» первой функции является вторая, и наоборот. Поэтому будет естественно сказать, что *интуиция* у ИЛЭ *логическая*, и тем самым, в соответствии с семантикой ИА *логики* в соционике, направлена на познание законов природы, а у ИЭЭ *интуиция* *этическая* и направлена на контакт с внутренним миром человека. Явное же приписывание им знаков плюс и минус лишает их внутренней вариабельности, характерной для символических конструкторов. Ведь дело обстоит так, что каждая соционическая функция может иметь и положительные и отрицательные проявления — и у ИЛЭ, и у ИЭЭ, а не так что у $\blacktriangle\square$ (ИЛЭ) по *экстравертной интуиции* имеются лишь положительные проявления, а у $\blacktriangle\sqsupset$ (ИЭЭ) — только отрицательные. Другое дело, что внутри и той и другой *интуиции* возможны проявления обоих полюсов: перспектива и бесперспективность, осмысленность и бессмысленность, положительный и отрицательный потенциал и т. п. [5]

Любопытно также отметить, что В. В. Гуленко первые два года своего знакомства с соционикой считал «черные» аспекты интровертными, а «белые» — экстравертными, и соответственно интерпретировал их в своих работах, а когда обнаружил свою ошибку, то даже написал статью, в которой доказывал, что [4] оба варианта в теоретическом отношении равносильны, и модель ТИМа можно адекватно описать и так и эдак, но вариант, которым пользовался он сам, предпочтительнее. Такая позиция вполне понятна с психоаналитической точки зрения, но присутствующий в ней релятивизм выдает приверженность (не имеет значения, сознательную или бессознательную) к вполне определенному философскому направлению.

Г. А. Шульман, много сделавший для соционики и в соционике, с точки зрения рассматриваемой темы представляет особый интерес — он чуть ли не единственный среди социоников открыто сформулировал свои методологические принципы [14]. Среди них — принцип относительной достоверности, принцип погрешности измеряющего инструмента, принесенный им из технологии обработки металлов, а также принцип красоты. Это дает возможность обозначить его методологическую установку как инструментально-методологический релятивизм.

Когда речь идет о принципе относительной достоверности, то пусть вас не вводит в заблуждение общенаучный смысл используемых здесь слов — у Г. А. Шульмана речь не идет, вернее, идет не только об обычной неполноте человеческих знаний на том или ином этапе развития науки. Обычно он описывал этот принцип, насколько я мог понять его, как неподсудность результата, полученного ученым, критериям, внешним по отношению к результату. При этом он говорил: «Допустим, что полученный результат верен, и посмотрим, что из этого получится». Здесь мы сразу попадаем в хорошо известную в логике ловушку круга в доказательстве. Если, предположив, что результат верен, мы получим из него выводы, которые мы будем воспринимать как верные, то на основании этого мы должны признать и верность результата. На практике это рассуждение может быть достаточно замаскированным, но суть его остается той же.

В статье [14] Г. А. Шульман описывает этот принцип следующими словами: «Принцип относительной достоверности, постулирующий прямое получение результата в зависимости от заложенных посылок, — естественно, с некоторым коэффициентом отклика системы, в настоящем исследовании условно принятым неограниченно приближающемся к 1». Эта фраза говорит сама за себя, но все же смысл, который Г. А. Шульман вкладывает в этот принцип, можно понять из следующего разъяснения, содержащегося в его статье: «...с моей точки зрения, на этом принципе построена едва ли не вся современная наука, — по крайней мере, с момента введения в научную терминологию понятия «идеальный газ». Теперь понятно, что имеется в виду. Реальный объект ввиду его сложности заменяется «идеальным объектом», который обладает лишь частью характеристик реального, но зато хорошо опи-

сывается математически, и это описание затем принимается в качестве первого приближения реального объекта. Но это не что иное, как принятый в науке метод моделирования. Да, модель не полностью совпадает с объектом моделирования, и поэтому результаты, полученные с помощью модели лишь частично отражают поведение реального объекта, и в этом смысле они могут быть названы относительными (потому что не абсолютны), но, не отражая всех параметров объекта, полученные с помощью моделирования, результаты отражают существенные и реальные (и в этом смысле абсолютные) параметры исследуемого объекта. И здесь относительность выступает вовсе не как эфемерность и необязательность, но лишь как частичность. И поэтому «идеальный газ» не имеет никакого отношения к произвольности.

Лично мне, поскольку я строю свою мысль по-другому, очень хочется понять, каким образом думает Г. А. Шульман (впрочем, как и все другие соционики) и воспроизвести, смоделировать его мысль и результат, чтобы понять, что за этим стоит, но поскольку мне соответствует совсем другой соционический тип, то это сделать совсем не просто.

Примем на веру, что изложенные принципы составляют основу убеждений Г. А. Шульмана и что он последовательно использует их не только в своей научной, но и повседневной практике, а также то, что я их излагаю в соответствии с его пониманием. Если же я его понимаю неправильно, то все мои рассуждения к Г. А. Шульману не имеют никакого отношения. И тогда их польза только в том, что они показывают, насколько сложно и неоднозначно один соционический тип может воспринимать другой. И это может служить дополнительной иллюстрацией к тому, почему в соционике так много взаимного непонимания.

Поскольку у Г. А. Шульмана тип ИЭИ, то проведение им принципа красоты в повседневной жизни вряд ли должно вызывать удивление — ведь так естественно, что, с точки зрения этика, все должно быть красиво, и это можно понять. Но принятие принципа красоты в качестве научного критерия никак не соответствует существующей научной парадигме, где господствует принцип объективности, а о вкусах, которые и определяют, что красиво, а что нет, как говорится, не спорят — *degustibus non disputandum*. И, с научной точки зрения, было бы совершенно нелепо принимать за истину красиво расположенные на листе бумаги соционические символы. Конечно, если научные результаты изложены красиво, то против этого вряд ли кто-то станет спорить, но они прежде всего должны быть истинными. И тут мы возвращаемся к вечной философской проблеме: «Что есть истина?»

Согласно другому принципу Г. А. Шульмана, ссылающемуся на погрешность измеряющего инструмента (а в соционике в качестве измеряющего инструмента выступают люди, являющиеся носителями определенного типа), носитель любого ТИМа, работая с любым объектом, с точки зрения любого другого ТИМа, обязательно допускает погрешность. Но если в объективном мире, имея дело с реальным объектом, на практическом уровне еще как-то можно согласовать свое поведение, то получается, что в пространстве субъективных теоретических конструктов этого сделать никак нельзя, а потому такие конструкты критике не подлежат. Их просто принимают или не принимают. Именно такое положение дел мы и имеем сейчас в соционике — образовалось несколько глубоких теоретических разработок, авторы которых с трудом или вообще никак не воспринимают друг друга, но, как мне кажется, именно соционики, будучи профессионалами в понимании принципиальных различий между людьми, могли бы преодолеть типологическую ограниченность и выйти на уровень единства в рамках социона.

А. М. Ельяшевич — просто замечательный человек и ученый. Для него характерен познавательный-прагматический энтузиазм, опора на фундаментальную научную методологию позитивистского толка с элементами бихевиоризма, хотя, не исключено, что он это называет (или не называет) совсем по-другому. А. М. Ельяшевича прежде всего отличает познавательная мотивация, очень характерная для его ТИМа (ИЛЭ), и он, уже добившись результатов в одной научной области, смело пускается вплавь в пределах совершенно другой дисциплины, получая ценные и полезные результаты, а также внедряя элементы соционики в учебный процесс, связанный с менеджментом.

Но я хотел бы немного обосновать то, что я его методологическую установку обозначил как близкую к позитивизму и бихевиоризму. Сразу замечу, что я в эти термины не вкладываю никакого ругательного смысла, а лишь указываю с их помощью на пределы метода. За этими пределами бесполезно критиковать научное поведение исследователя. Эти же пределы указывают на ограничения во взаимопонимании. Как-то я спросил А. М. Ельяшевича, как он понимает, что такое психика и что собственно мы моделируем с помощью соционической модели, он ответил в том духе, что его не интересует (в плане научного исследования) этот вопрос. Он просто имеет дело с массивом данных (например, ответов на тестирующие вопросы), полученных с помощью тестов, и обрабатывает их с помощью различных методик, например, с помощью data mining, кластерного анализа и т. п. В результате обнаруживаются определенные инварианты, которые и можно факторизовать и оформить с помощью терминов, понятий и категорий. Бихевиористский подход в качестве единственной достоверной реальности принимает списки стимулов, с помощью которых совершалось воздействие на «черный ящик», и реакций, которые были получены с его стороны при таком воздействии. Рассуждения относительно того, что находится внутри ящика, считаются метафизическими, а это считается ненаучным, некорректным и неправомерным, а также признаком дурного вкуса.

Близко к этому находится и позитивистская программа в науке: изучать только «положительный» объект и описывать его реальные параметры, не навязывая объекту никаких предвзятых философских, религиозных или даже просто умозрительных конструкций. Обе упомянутые научные программы — бихевиористская и позитивистская — будучи относительно неуязвимыми, со времен О. Конта получили в науке широкое распространение, поскольку помогают собрать большое количество фактического материала, не вступая в мало-перспективные дискуссии о трансцендентных сущностях. И все же совокупный человеческий опыт располагает данными и понятиями (например, дух и душа), которые рано или поздно науке будет просто необходимо интегрировать, иначе само ее существование станет враждебно человечеству. Ведь многие отрицательные издержки науки человечество уже давно испытывает на себе.

В. Павлов, замечательный организатор и теоретик соционики из Днепропетровска. Исключительно умный и изобретательный человек и, безусловно, творческая натура — я предполагаю, что его IQ не менее 150. Я лично видел, как он в течение сорока секунд решил творческую задачу на коммутацию источников света и выключателей, предложенную ему А. М. Ельяшевичем. Эта задача требует преодоления косности мышления и выхода из комбинаторного плана в физический, что Павлов, как говорится, на глазах у публики и проделал. Я лично не сомневаюсь в том, что результат не был ему известен заранее — именно об этом свидетельствует один единственный вопрос, который он задал по поводу задачи, а именно: «Висят ли лампы не слишком высоко под потолком?» Это можно понять так, что он уже получил ответ и только уточнял обстоятельства. Ну что там и говорить — все, кто знает его достаточно близко, вряд ли сомневаются в его замечательных качествах, в число которых входит и высокий уровень интеллекта.

Оценивая его методологическую установку, я бы прежде всего указал на высокий уровень прагматизма или, вернее, прагматического конструктивизма. В частном разговоре Володя сказал, что для него доказательством теории может быть только что-то вроде сваренных водопроводных труб (возможно, он говорил о других трубах, но для характеристики его подхода к результатам науки это несущественно). На второе место в оценке его методологической установки я бы поставил трезвый негативизм, не принимающий на веру то, что не прошло реальной проверки жизнью. Вряд ли такая позиция заслуживает другого отношения, кроме уважения. Но В. Павлов — это еще и любитель «приколов», в том числе и тонких теоретических провокаций — «здоровый приколлизм» — это его термин. Он сам описывал один из его экспериментов-провокаций, когда человеку под выбранный им соционический тип давалось одно и то же слабо дифференцированное среднестатистическое (на уровне Милтон-модели) описание личности в предположении, что человек узнает себя в нем. Что и

подтверждалось, и это должно было свидетельствовать о том, что имеющиеся в литературе описания соционических типов, по крайней мере, никуда не годятся — что и требовалось доказать. Конечно, это вполне нормальный вариант научного эксперимента, и его результат требует, чтобы те, кто описывает соционические (но, конечно, и не только соционические) типы проверяли эти описания на валидность, достоверность и устойчивость, как это положено, например, при разработке тестов. Но вот был ли этот эксперимент на сто процентов корректным — это мне неизвестно. Я опасаясь, что могла иметь место предустановка на получение негативного результата, в результате чего он и был получен. Из-за негативной предустановки могли быть недооценены положительные моменты, которые вроде бы должны все же содержаться в имевшихся описаниях, так что все могло пройти по схеме — вместе с пеной выплеснули и ребенка. Эта же схема методологической провокации была заложена и в СРТ — Володя об этом говорил сам и всем участникам конференции это в общем известно. Более того, при подведении итогов конференции ее «положительные» результаты выглядели настолько плачевными, что даже «несгибаемый» Павлов заколебался (это было хорошо заметно по выражению его лица) и начал искать приемлемый компромисс — и конечно, он нашел его. Вместе с А. М. Ельяшевичем они в массиве данных, полученных в результате СРТ, нашли инварианты, и результаты приобрели куда как более объективный вид. Такой же, как мне кажется, подход нужно было бы применить и к эксперименту с дискредитацией описания типов.

На основании вышесказанного я бы обозначил методологическую установку В. Павлова как конструктивный негативизм + «здоровый приколлизм».

Сейчас Володя, насколько я знаю, разрабатывает метасоционику, но вот здесь я бы высказал парочку критических замечаний. Ну, во-первых, эту программу в свое время объявил Е. Шепетько, и здесь нет какой-то особой новизны. Но дело обстоит значительно тоньше, и я думаю, что Володя способен, со своим замечательным интеллектом, понять эту тонкость. Прежде чем строить метадисциплину, нужно чтобы существовала сама дисциплина. Метаматематика потому и возможна, что существует математика, и метаматематика — это вовсе не математика, это дисциплина, которая изучает структуру и идеологию математики, и используется для анализа, критики и совершенствования математики.

Соционика пока что не достигла того совершенства, которым характеризуется математика или логика, и было бы преждевременно считать, что имеющиеся печатные материалы по соционике полностью исчерпали ее предмет. Еще далеко не закончены (а может быть это и в принципе невозможно) внутренние теоретические разработки, к которым относятся и работы Володи, способные очертить ее контуры. И ведь интуитивно ясно, что возможен не один тип моделей, вроде модели «А», а по крайней мере, несколько, ну хотя бы те, которые уже описаны и доложены на соционических конференциях. В статье [9] я показал возможности обобщения соционической модели, и тут в общем-то все понятно — функций в модели может быть любое количество, в том числе и переменное. И введение их может быть оформлено и аксиоматически, и эмпирически, и метафизически. Но дело не только в количестве функций, но и в правилах их взаимодействия, в их семантике, в их внутренней структуре, в структуре всей модели, а также в сущности всей совокупности понятий, ориентированных на моделирование психики. Вот здесь-то, по-моему, и начинается метасоционика, когда не просто обобщается форма модели — это чисто математическая операция, а когда разрабатывается теория всей совокупности специфических понятий дисциплины, а не только ее предмет. Но тогда метасоционика, а вернее одна из ее ветвей, представит собой лишь одно из направлений математики. Вторая же ее ветвь будет ничем иным как метапсихологией, потому что ведь надо еще обосновать правомерность, ограничения и перспективы в моделировании психики. Но математическая часть метасоционики не нуждается в таком экстравагантном названии, потому что она не имеет отношения ни к психике, ни к социологии, а занимается исследованием абстрактных структур типа алгебраических категорий [10], а также их совокупностей. Дело не в возможностях формального аппарата, а в реальных интерпретациях этого аппарата. Поэтому можно считать, что предполагаемая метасоционика представляет собой просто-напросто общетеоретическую часть соционики.

К слову, хотелось бы также сказать, что попытки со стороны некоторых социоников противопоставить друг другу «различные соционики» (интровертная, историческая...) представляют собой не более, чем болезнь роста. Когда будет сформирован основной теоретический массив соционики, все ее части займут подходящее им место.

В окружении В. Павлова много умных ребят (может быть, даже все), но я хотел бы особо выделить В. Стоякина, в типе которого я не сомневаюсь — это ИЛИ (и это, конечно, мое личное дело, что я думаю именно так, но я мог бы и доказывать это). Это очень умный, эрудированный, стойкий и работоспособный человек, готовый и способный профессионально отстаивать свою точку зрения. Но готов ли он так же разобраться в том, насколько соответствуют истине точки зрения других людей и типов? Мне исключительно понравилась его статья [14] «О типах Афин, Сократа и ... Венеры Милосской» — в ней, кроме реального ощущения «плотности мысли на квадратный сантиметр текста», чувствуется и эрудиция, и логическая связность аргументации. И нет ничего удивительного в том, что ИЛИ, то есть Балзак, достаточно язвительно критикует не вполне (мягко выражаясь) принятую им точку зрения о существовании ТИМов не только у людей, но и у других объектов, например, стран, городов, этносов.

Интересно, как он начинает статью (рассмотрим ее как тест, выполненный самим автором). «Историческая соционика — безусловно, одно из интересных направлений, которое найдет свое место в будущем». Сознательно или бессознательно автор в небольшом предложении использует три лексических единицы, относящихся к категории времени — историческая, найдет, в будущем. Он высмотрел в соционике именно это, в первую очередь это, это задело его больше всего. Время — прошлое и будущее — составляет содержание интуитивно-логической интроверсии. Кроме того, эта первая фраза представляет собой прогноз. Автор как-то (интуитивно!) знает, будущее исторической соционики. Но уже во второй его фразе содержится элемент критики. «Хотя идея определять типы давно умерших людей и цивилизаций вызывает некоторое профессиональное недоверие (как проверить?)...» Сочетание слов «некое профессиональное недоверие» — многозначительно. Я интерпретирую его как 1) указание на профессию автора, 2) указание на критическое отношение к объекту интереса (недоверие), 3) как сбалансированную, нежесткую (=интровертированную) позицию автора (некое). Но во фразе корень «вер» повторен дважды (недоверие, проверить), причем один раз в скобках — интровертная позиция. Анализ можно продолжать, но это займет слишком много места в и так уже длинной статье, поэтому я ограничусь отдельными замечаниями, при этом ничуть не сомневаюсь в том, что автор со мной вряд ли согласится, — для умного скептика здесь слишком мало доказательности. Но вот я, например, не использовал бы в отношении Древней Греции сочетание слов «погибшая цивилизация», — я бы сказал «исчезнувшая» или «ушедшая в прошлое». Вроде бы небольшая разница, но авторский эпитет драматичнее и мрачнее, поскольку слово «погибшая» вызывает в воображении гибель, страдания, смерть, которые там, конечно же, были.

Статья пронизана скепсисом и сомнениями не только в возможности определить ТИМ древней культуры и отдельных ее представителей, но и в самой правомерности такого определения: «...встретиться мы сейчас с древним греком, -смогли бы мы определить его тип? Возьму на себя смелость ответить: нет! Психика человека не изменилась, а вот психология — очень существенно» (там же). Я бы не хотел здесь ничего ни опровергать, ни доказывать, я — другой тип. Я хочу лишь обратить внимание на то, что мне кажется противоречием в рассуждении автора — если ТИМ у древнего грека был, то в принципе его можно и определить. Другое дело, достаточно ли у нас в настоящее время для этого средств. Но средства — это дело наживное. Указание на противоречие — обычное полемическое средство — ну, два интуитивных логика что-то обсуждают. Но ведь сразу же последует остроумное опровержение, и так может продолжаться достаточно долго. Но вот удастся ли найти общий язык и прийти к достоверному выводу? Относительно методологической установки В. А. Стоякина у меня нет сомнений — он его сам назвал (умный человек — *homo sapiens!*) — «кондовый» позитивист (самоопределение), и здесь нечего добавить, но я все же добавлю — время пози-

тивизма тоже подходит к концу и «нормальной» науке нужно быть готовой к смене парадигмы.

Обзор методологических установок участников СРТ был бы неполным, если бы я не упомянул В. Д. Ермака. Безусловно, это замечательный энтузиаст соционики. Безусловно, сильный теоретик и сильный логик. Он много сделал для пропаганды соционики, и лично у меня вызывает неподдельное восхищение та виртуозность, с которой он оперирует понятием модели вообще и модели «А» в частности. Кроме того, он является замечательным оратором и педагогом. То, что в качестве оратора он весьма темпераментен, это дело стиля и имиджа, но вот то, что он не умеет при выступлении регулировать громкость голоса, это, с точки зрения ораторского искусства, недостаток, если, конечно, это не является свойством его типа. Его методологическую установку можно обозначить, и тут вряд ли кто станет возражать, как теоретико-системный подход, с которым он пришел в соционику с места своей прежней работы.

Но есть в его поведении и то, что восхищения у меня не вызывает, и это, конечно, было бы моим личным делом, если бы это не касалось соционики. Это прежде всего чрезмерная самоуверенность и нескритичность в использовании системно-теоретических понятий. Казалось бы, какие могут быть ограничения в использовании такой замечательной дисциплины, как теория систем. И когда я слушал его доклады на эту тему, то думал, что действительно найден замечательный методологический ход, способный обосновать соционические понятия. Но, увы, ожидания оказались напрасными. Теория систем в применении к соционике звучала лишь как переименование понятий, вроде того, как если вам говорят, что то, что вы обычно делаете, когда говорите, называется прозой. Очевидно, что в таком переименовании нет продуктивного смысла. Но более тонкая идея здесь заключается в том, что уровень абстракции соционики более высок, чем уровень абстракции, на котором находится теория систем (конечно, представители соционической практики могут со мной и не согласиться, поскольку применяют соционику для решения вполне конкретных проблем). Соционическая модель представляет собой алгебраическую категорию [10], и таким образом соответствует уровню математической абстракции. Теория же систем в лучшем случае представляет собой лишь подмножество математических уравнений. И очевидно, что применить теорию систем к математике нельзя, потому что математика первично системна, а вот, наоборот, применять математику в теории систем можно сколько угодно, точно так же, как можно применить теорию систем в сельском хозяйстве, но сельское хозяйство нельзя применить к теории систем именно из-за уровня абстракции. Но один методолог не сможет объяснить этого другому из-за разницы в методологических установках.

У В. Д. Ермака есть, по крайней мере, одна сильная позиция в соционике — это подход к диагностике ТИМа в той ее части, где он настаивает на верификации первичной гипотезы относительно типа. Интуитивно выйти на уровень предположения о типе, конечно же, недостаточно, нужно еще и развернуть систему аргументов, делающих гипотезу достоверным утверждением. Ну это в днепропетровской школе соционики хорошо знают, ведь там запрещено при определении ТИМа ссылаться на свою интуицию как единственный аргумент.

Несколько слов о С. Штейникове — он предложил заслуживающую внимания соционическую модель, которая была полностью отвергнута (не опровергнута с помощью обоснованных аргументов!) В. Д. Ермаком. Почему? Может быть, В. Д. Ермак не понял ее? А может быть, потому что он догматик? Если это так, то тогда установку Ермака нужно переопределить как теоретико-системную с догматическим уклоном. А ведь модель С. Штейникова совсем неплохая — за ней стоит интуитивно-натуралистическое видение природы, когда производится обобщение формы естественных процессов и перенос обобщенной формы в новые сферы. Ведь вполне естественно считать, что соционические модели нуждаются в естественнонаучном обосновании, а ведь Сережа обобщил такие естественные процессы как половой акт, извержение вулкана, дефекацию и многое другое, обнаружил в

них четырехтактную структуру и связал ее со своей моделью соционического типа, являющейся естественным развитием модели «А» и некоторой ее альтернативой.

Побывав на VI московской соционической конференции (6–7 апреля 2002) я с большим удовлетворением и надеждой отмечаю ее высокий уровень. Здесь я увидел и знакомых, и новых для меня докладчиков с их неповторимыми методологическими установками. Время общения было невелико, и мне трудно ругаться за то, что мои наблюдения — истина на сто процентов, тем не менее, как первое приближение они могут быть рассмотрены.

Прокофьева Т. Н. (ИЛЭ). Замечательный организатор науки, отличающаяся высоким уровнем соционического оптимизма. В соционической работе пользуется поддержкой всей своей семьи на фоне соционической дуализации, и поэтому не приходится удивляться эффективности ее работы. Математик по первому образованию, она переквалифицировалась на психологию, но математическая база обеспечивает ей высокий теоретический и методологический уровень в сочетании с хорошо обоснованной опорой на практическое использование соционики. Она разработала свой оригинальный алгоритм диагностического интервью и успешно пользуется им при определении ТИМа.

Чаур Н. А. (ЛИИ). Свой доклад на конференции начал словами: «Для меня соционика — одно сплошное предположение». Какой глубокий смысл в одной небольшой фразе! Это свидетельство того, что все еще не существует однозначно доказательного изложения соционики. Парадокс, состоящий в противоречии между эффективным практическим использованием соционики и отсутствием ее официального признания, все еще ждет своего разрешения. Почему же все-таки соционика до сих пор все еще остается гипотетической конструкцией? Кто должен поставить точку в неопределенности научного положения соционики? В чем причина дискриминационного отношения к соционике со стороны академий наук и высших аттестационных комиссий? И в то же время выступления Н. А. Чаура проникнуты соционическим оптимизмом и энтузиазмом. Он уверен, что рано или поздно все необходимые обоснования будут найдены, а все точки в официальном статусе соционики будут расставлены.

Кочубеева Л. (СЭЭ). Ее доклад — замечательный пример того, как добросовестное и продолжительное психологическое исследование принесло свои соционические плоды в виде продуктивной адаптации теста «Несуществующее животное» к соционической диагностике. А ведь до нее этим занимались и С. Малашок, и автор этих строк, и другие, но они ограничились лишь практическим подтверждением эффективности использования этого теста для выявления осевых признаков ТИМа исследуемого человека, не доведя свои исследования до уровня методики.

Хотелось бы также хотя бы в нескольких словах охарактеризовать методологическую установку присутствовавшего на днепрпетровском эксперименте А. Шияна, которого хорошо знает часть украинских социоников. Тип — ИЛИ, и как мы теперь понимаем, этим много сказано. Интуитивно-логический склад ума позволяет ему не только тонко и глубоко понимать научную проблематику, но и достаточно свободно оперировать методологическими понятиями. В связи с его ТИМом вполне понятна его критическая интенция, четко проявленная им в обзоре научного уровня имеющихся в настоящее время статей по соционике [6], а также в книге «Основы информационно-психологической безопасности для менеджера». Эти тексты написаны остроумно и ядовито. Чувствуется, что автор понимает соционическую проблематику и что он совсем не глупый человек, но очевидно также, что ему не хватает широты обобщения и он ограничивает свой соционический кругозор рамками собственного понимания. Пытаясь развенчать отдельные гипотезы ученых-социоников, он вместо научного анализа использует полемические приемы высмеивания и отрицательных сравнений или, например, в качестве одного из аргументов против закона сменяемости квадр приводит случай, когда, Г. А. Шульман не мог указать ссылку на работу, где этот закон был сформулирован, описан или обнаружен.

Уже с первых строк его текста возникает подозрение, что он неравнодушен к соционике, — этот термин он везде берет в кавычки, по-видимому, подчеркивая этим свое сомнение в ее праве на существование. Он настойчиво проводит мысль, что его работы лучше и в этом смысле не идут ни в какое сравнение с тем, что делают, видимо, презируемые им соционики. Он пишет: «Представляется весьма интересным то обстоятельство, что первые **функциональные** портреты **конкретных** людей были опубликованы нами», то есть А. Шияном. И далее в том же духе намеков на свое превосходство, непогрешимость и первородство он все время старается унижить соционику, подчеркнуть свой приоритет, превознести себя и сделать себе рекламу. Но в чем? Не в соционике же — ведь ее он за науку, по-видимому, не считает. Возможно, он имеет в виду то, что он создал альтернативное соционике научное направление, которое «не имеет никакого к ней отношения, но значительно превосходит ее» по возможностям моделирования человеческой психики. Тут-то и заключается, на мой взгляд, основное противоречие позиции А. Шияна — опираясь на идеи соционики и используя их в своих работах, он пытается извратить их и приписать лично себе открытие тех же самых методов, которыми пользуется соционика, но назвать это как-нибудь по-другому. Своеобразная попытка воинствующего плагиата со взломом. Он пытается унижить даже А. Аугустинавичюте, бросая ей упрек в неспособности ответить на его вопросы: «Интересно, что с А. Аугустинавичюте мы встречались уже дважды — и она также не дала никакого ответа на наш анализ!» (восклицательный знак Шияна, которым он, по-видимому, пытается подчеркнуть предполагаемую им крайнюю тупость первооткрывателя соционики.) При дальнейшем чтении работы Шияна все более укрепляешься в мнении, что это не более чем антирекламная кампания против реальных и потенциальных конкурентов по соционическому консультированию, и тут уже становится понятным, что ни о каком научном анализе речь не идет, а демонстрируется готовность использовать любые, в том числе «грязные» технологии, лишь бы не оставить от соперника камня на камне. Так что не удивительно, что «разгромная» часть его текста заканчивается словами: «Хотите ли вы доверить успех своего бизнеса (да и свою судьбу) подобным «экспертам»?», что нужно понимать как «не обращайтесь к плохим соционикам, а обращайтесь к «хорошему» Шияну». Теперь весь пафос борьбы Шияна с соционикой понятен. Впрочем, Шиян говорит неправду, когда утверждает, что никто не отвечал на его претензии. Обстоятельный ответ на его попытки математической интерпретации все тех же соционических идей, которые он так пытается разгромить и в то же время старается замаскировать под свое собственное открытие, дал в свое время директор Международного института соционики А. В. Букалов [3]. Не исключено, что теоретические разработки Шияна в русле соционики, но с отрицанием ее первичности (которые, используя его же ядовитый стиль, можно было бы обозначить как «сошиянику», но мне это совсем ни к чему) могут быть вполне эффективными — конечно же, умный человек может создать что-то ценное, но достойно сожаления то, что ум даже в науке может использоваться для очернения своих коллег.

Конечно, в соционике есть проблемы и издержки развития. Не исключено и вполне естественно, что ее результаты пытаются использовать и случайные в науке люди, и некомпетентные, и просто проходимцы, но это никак не может относиться к основной массе ученых, развивающих это научное направление. Далеко не все соционики, внесшие в соционику научный вклад, согласны между собой, не все ее идеи доведены до совершенства и все еще остается проблемой быстрое и надежное определение ТИМа. Но все это нормальный процесс развития науки, и все эти проблемы будут решаться и будут решены с течением времени. Даже то околонуканое поведение, которое демонстрирует Шиян («шиянизм») вполне понятный побочный результат развития науки. Безусловно, если Шиян сделает реальный вклад в соционику, это можно будет только приветствовать, но пока что его деятельность носит разрушительный характер.

В любом случае представление о соционе продолжает оставаться весьма правдоподобной рабочей гипотезой, и пока она не получит широких практических обоснований, никакие ее следствия не могут считаться обязательными. Если же современная наука усвоит понятие социона в качестве полноценной научной категории, то и пока что гипотетический

закон сменяемости квадр приобретет характер такого же рабочего инструмента, как и многие другие социальные законы, отражающие ритмику социального развития. Впрочем, этот закон уже и сейчас достаточно хорошо обоснован, однако Шиян в силу своей амбициозной методологической позиции не замечает этого.

К числу таких ритмических законов, в частности, относится закон смены общественных формаций, сформулированный К. Марксом и Ф. Энгельсом, который одними философами и политиками рассматривался как хорошо отражающий действительное положение дел, а другими подвергался уничтожающей критике. Еще одним камнем преткновения для А. Шияна стала гипотеза универсальности ТИМа. Конечно, сравнение человека с животными, механизмами, канделябрами и прочей мебелью отдельными представителями человечества может быть воспринято с обидой, поскольку часто используется в качестве ругательства, но речь идет не о кухонной склоке, а о науке. И если, например, математику по каким-либо причинам необходимо представить человечество как геометрическое множество точек, а отдельных людей как точки в этом множестве, то лишь очень тенденциозные или акцентированные личности сочтут это за оскорбление. В соционике речь идет об информационном метаболизме, и совсем нетрудно понять, что информация преобразуется не только человеком, но и всеми элементами окружающей среды, иначе человек просто или не мог бы получать информацию из среды, или бы она представлялась ему единой нерасчлененной массой. И вовсе нет ничего странного в том, что говоря об интерьере какого-либо помещения, о мебели, находящейся там и, в частности о стульях, насколько они соответствуют использующим это помещение людям, а тут уж, конечно, могут быть использованы соответствующие соционические категории. И вряд ли кто-то останется безразличным к тому, каким будет интерьер, или стул, — дуальным, и стало быть, дополняющим, удобным, комфортным, или, напротив, конфликтным, а значит, неудобным и вызывающим напряжение. Конечно, использование специальных терминов может выглядеть непривычно, но мы имеем дело с наукой, и здесь термины — обычное дело. Более того, если раньше, до соционики, например, в эстетике, мы могли говорить только о красивом или некрасивом, приятном или неприятном, удобном или неудобном, то соционика вводит значительно более тонкий спектр оценок, и теперь можно говорить и о «тождественном», и об «активирующем», и о «контролирующем» и о других типах интерьеров. Так что погромно-критический стиль, выбранный А. Шияном, вполне характеризует самого автора, и может служить не только своеобразным тестом для определения его ТИМа, но и как основание для его человеческой характеристики и научной позиции. Злобное отрицание в науке, как правило, никогда не соответствовало ее дальнейшему прогрессу, и давно существует наблюдение, что если какой-либо ученый выказывает скептическое отношение к новым идеям или направлениям в науке, то либо он придерживается консервативных взглядов и выступает в качестве ретрограда и догматика, либо он лично заинтересован в ограничении конкурентов. Так уже было и в генетике, и в кибернетике, да только за это пришлось расплачиваться дорогой ценой технической отсталости, из которой мы не можем выйти до сих пор. Было бы также достойно сожаления, если ученые будут писать свои статьи в духе политических доносов, а не трезвого научного анализа, и вместо аргументов и фактов будут использоваться антирекламные приемы, вроде броских цитат из классиков о сравнении человеческого я с сумасшедшим фортепьяно, рассчитанным на эпатаж читающей публики и начальства.

В любом случае нет смысла упрекать *интуитивных логиков* в том, что они многие свои статьи пишут в стиле «откровения» — согласно соционическим понятиям, это вполне естественно для людей этого типа, тем более, на ранних этапах развития науки, а уж критику, селекцию, логическую и математическую разработку их идей, конечно же, способны и должны производить и представители других типов: требовать сразу всего от одного человека — это не соционично. По сделанному А. Шияном обзору, видно, что он глубоко понял ценность и перспективы развития соционики («...поскольку основанные на ней выводы требуют кардинального пересмотра самих основ практической деятельности в целом ряде областей...»), но ту драматическую (впрочем, вполне понятную для молодого научного направления) ситуацию официальной непризнанности трактует как установку на «герметическую»

замкнутость, а многих социоников пытается представить, и это в лучшем случае, как недалеких и легкомысленных мечтателей.

Конечно же, не может быть и речи о том, что соционика — это случайный выброс человеческой фантазии. На ранних этапах своего развития любое явление, в том числе и научное направление и изобретение, обычно проходят фазу «гадкого утенка», когда легко пренебречь их потенциалом, а при случае обругать или пнуть ногой — здесь большого ума не надо. Значительно больше ума нужно для того, чтобы увидеть то ценное и важное, что несет с собой это новое явление, и помочь ему развиваться и принести обществу свои плоды. Соционика со временем превратится в полноценное научное направление, и сейчас интуитивный уровень статей все больше сменяется точной логической и математической разработкой (Г. Рейнин, М. Гут, Я. Дубров, Е. Шепетько, В. Павлов и многие другие). Соционика в лице ряда своих представителей старается разобраться в собственных методологических основах, и это знаменует важный шаг в развитии ее как науки. Поэтому дело сейчас не в том, чтобы ругать отдельных социоников, а в том, чтобы непредвзято извлечь из их работ все ценное и перспективное. Кроме того, нельзя забывать, что наука не может развиваться усилиями одних только генераторов идей (это в основном ИЛЭ и ИЛИ) — нужны и селекторы, умеющие профессионально отобрать из этих идей то, что представляет собой реальную ценность для науки, и разработчики, способные довести отобранные идеи до уровня технологии (ЛИИ, ЛСИ), и «внедрители», которые могли бы найти практическое применение соционическим технологиям и придали бы этому применению широкий размах (ЛИЭ, ЛСЭ, СЛЭ), но не обойтись и без остальных соционических типов, поскольку только все они вместе способны создать полноценную среду для развития науки.

Не приходится сомневаться в том, что у А. Шияна общенаучная часть методологической установки хорошо развита, и на этом уровне с ним можно было бы находить общий язык, однако у него есть и индивидуальные особенности. Для характеристики этой части его методологической установки я бы использовал максимально нейтральный термин «абстрактно-аналитический глобализм». Шиян хорошо видит то общее, что есть у разных авторов — К. Г. Юнга, Аушры Аугустинавичюте, А. В. Букалова, В. В. Гуленко, Г. А. Шульмана и других, но не всегда различает их индивидуальный вклад. Видимо, поэтому он считает, что у К. Г. Юнга и Майерс-Бриггс есть все, о чем говорит Аушра Аугустинавичюте, а, кроме того, он считает (и здесь чувствуется личная заинтересованность в умалении заслуг других ученых), что построенная им математическая модель полностью перекрывает все, что сделали другие соционики, и переубедить его в этом вряд ли кому удастся. Именно об этом говорит качественная формула

$$D = \Delta [A, C, M, O].$$

И, ради справедливости, чуть-чуть о себе. Моя методологическая установка — это методологическая рефлексия. Я внимательно изучаю любые методологические подходы и стараюсь выявить присущие им инварианты. Я убедился в том, что любой ученый подсознательно считает себя профессионалом в области методологии и готов доказывать, что его методология самая лучшая в мире. Здесь ничего не поделаешь — такова природа человека. Многие люди жалуются на память, но никто не жалуется на ум.

Поскольку ценностная часть методологической установки, по-видимому, связана с первой соционической функцией, с которой человек максимально отождествляет свое эго, то он просто не в состоянии поступать по-другому. Отказываясь от установки, ему пришлось бы отказаться от самого себя. Я даже думаю, что и эти мои высказывания будут опровергаться по этим же самым причинам. Меня профессионально интересует тема методологии, и я готов искать общую основу всех подходов и поисков в соционике. Хотя не исключено, что попытка найти решение, приемлемое для всех или хотя бы для большинства, это очередная утопия, вполне характерная для *Дон Кихотов*, и все будет происходить, как всегда, по законам развития хаоса.

Наблюдение за методологическим поведением ученых-социоников привело меня к мысли о **невозможности обойти методологические проблемы** и о том, что было бы не-

плохо включить эту проблематику во все соционические конференции. Поэтому нетрудно понять, почему я назвал эту статью «**Неизбежность методологии**».

Л и т е р а т у р а :

1. *Аугустинавичюте А.* Комментарий к типологии Юнга и введение в информационный метаболизм. //Соционика, ментология и психология личности. — 1995. — № 2.
2. *Букалов А. В.* Новая модель этноса и государства, психоинформационное пространство этноса. //Соционика, ментология и психология личности. — 1999. — № 5.
3. *Букалов А. В.* Соционика, теория управления и моделирование информационных процессов психики. Критические комментарии к статье А. А. Шияна «Об одном классе самоорганизующихся (самопрограммируемых) абстрактных информационных автоматов для управления иерархическими природными системами». //Соционика, ментология и психология личности. — 1998. — № 2.
4. *Гуленко В. В.* Два взгляда на экстраверсию-интроверсию. //«16». — 1991. — № 3.
5. *Гуленко В. В., Молодцов А. В.* Основы социоанализа. Ч. 2. — К., 1991.
6. *Дубров Я. А.* Концептуальное и математическое моделирование в соционике. //Соционика, ментология и психология личности. — 1999. — № 5.
7. *Рейнин Г. Р.* Теоретический анализ типологических описаний личности в психологии. //Соционика, ментология и психология личности. — 1999. — №№ 4–6.
8. *Ритчик Д. Ю., Филимонов С. В., Шепетько Е. В.* Соционика и ментология. — Свердловск, 1991.
9. *Стоякин В. А.* О типах Афин, Сократа и ... Венеры Милосской. //Социон. — 1998. — № 1.
10. *Чурюмов С. И.* Обобщение соционической модели. //Соционика, ментология и психология личности. — 1996. — № 5.
11. *Чурюмов С. И.* Соционика как методология. //Соционика, ментология и психология личности. — 1996. — № 1.
12. *Шепетько Е. В.* Анализ и классификация интертипных отношений. Рукопись, Вильнюс, 1990.
13. *Шиян А. А.* Состояние, тенденции и перспективы развития соционики. Рукопись, 1996.
14. *Шульман Г. А.* Модель социона. //Соционика, ментология и психология личности. — 1995. — № 3.

Статья поступила в редакцию 17.11.2002 г.